

Валентин Мазуров

Переезд

*Усложнять просто, упрощать сложно.
"Закон Мейера"*

Есть много причин, препятствующих счастью, но три из них – основные: страх, зависть и чувство вины. И все они в самом человеке.

Предисловие. Начало снижения

Приятный голос командира экипажа объявил о начале посадки в Киевском аэропорту Борисполь.

– ...погода в Киеве хорошая, около шестидесяти градусов по фаренгейту, намечаются небольшие осадки. Ориентировочное время прибытия 15 часов 30 минут по местному времени...

Сквозь бодрый тон капитана проскальзывала некоторая утомленность после многочасового перелета, но заметить ее пассажирам без диплома психолога – не представлялось возможным (а быть может и нужным). Во-первых, радиопомехи не давали четко разобрать слов, чего уж говорить о чувствах, с которыми они произносятся, а во-вторых, предвкушение, что шасси через пятнадцать минут коснется заветной посадочной полосы, умирало всякое любопытство.

Но через приткое внимание Патриции Макфарленд, молодой, симпатичной девушки, подобная мелочь не ускользнула, ведь она сама ощущала себя истощенной донельзя, выжатой, как дефицитный тюбик пасты. Сил не осталось ни физических, ни моральных: уж больно много за последнее время судьба-злодейка преподносит подарков, разворачивание которых приравнивается к борсанию в кучке навоза.

Триша опиралась головой на иллюминатор и задумчиво смотрела в пушистую небесную гладь, где тучи напоминали снежное покрывало с молочными сугробами, такой себе взгляд на отдаленный уголок Антарктики.

Утомленность сказывалась бледным цветом лица и крохотными опухлостями под глазами, способными в короткие сроки превратиться в фиолетовые мешки бессонницы. Но Триша боролась с дремой, как с опасным недугом и даже не помышляла прикрывать глаз, пускай и на жалкие пятнадцать минут.

Одной рукой она тормозила черный хвостик, выглядывающий из-под фирменной кепки Ред Сокс, а другой поглаживала кнопочную панель mp3 плеера, из наушников которого играла лирическая баллада от Джеймса Бланта, пленяющая своей мелодией и обливающая сердце кровью, от накатывающих воспоминаний.

*You're beautiful!
You're beautiful!
You're beautiful it's true
I saw your face
In a crowded place
And I don't know what to do...
Cause I'll never be with you...*

*Yes she caught my eye,
As I walk on by,
She can see from my face
That I was fucken high
And I don't think that I
See her again...*

– Простите, пожалуйста, но согласно инструкции все электроприборы должны быть выключены во время взлета и посадки самолета, чтобы не создавать помех...

Тришу словно окатили ведром с ледяной водой.

– Да-да, конечно. Я уже выключаю, – наспех перебила девушка, глядя на длинноногую стюардессу в бордовой униформе.

– Спасибо, – лучезарно улыбаясь, ответила бортпроводница и продолжила проверять ремни безопасности, проводя это, как необходимую формальность, а мыслями пребывая абсолютно в другом месте, следовательно, и за другим делом.

(Какую свободу для полета фантазии может дать невинная, чуть более хитрая и распутная, чтобы быть вежливой, ухмылочка!)

Русская внешность. Ничего конкретнее либо благоразумнее сознание Триши не выдавало. Она еще не определилась для параметров, по которым будет ставить подобный диагноз, но ловила себя на мысли, что, не успев окунуться в атмосферу неведомой Украины, уже возненавидела живущих там людей. Пускай ей подробно разъяснили историю СССР, этапы создания и распада, дабы девочка не попала впросак с разницей между славянскими нациями, но пока для нее существовала лишь классификация, с душком фашизма, «русский» и «не русский». Легко догадаться, кто из двух подтипов людей был предпочтительнее.

От акцента и невыносимо разжеванных слов стюардессы у Триши свело скулы (впрочем, такое происходило не в первый раз), будто бы ей нанесли личную обиду, унизили, отнесшись, как к маленькому, перепуганному ребенку. Но она научилась надевать маску воспитанной леди – спасибо маму – и с легкостью одолевала ненужные эмоции. Да и кто посмеет даже подумать о ней, как о «маленькой, беспомощной девочке» после крайне опасного приключения в лесах Новой Англии, где Триша держалась юной амазонкой, преследуемой по пятам смертью, более чем просто образным понятием, но и не имеющей четкого физического облика. Пускай объяснять подобные щекотливые моменты, что

писать явку с повинной в дурдом, но смерть кровожадно дышала ей в спину, оставляла зверские послания, сводила с ума и душила, еще не успевшие окончательно сформироваться в девять то лет, волевые качества. А девочка не отчаялась, не дрогнула, бесстрашно устояла в финальной схватке лицом к лицу со свирепым зверем.

Удержала победный счет.

Подробности тех страшных дней потихоньку рассеиваются (миновавшие семь лет все-таки не одна неделя), но некоторые вещи лишь прячутся в сокровенных уголках нашей памяти, выжидая момент для второго пришествия. А некоторые мы сами предпочитаем спрятать, захоронить, методом произвольного само убеждения переписать в нечто прозаическое и не вызывающее лишних эмоций.

Свет в салоне Боинга 737 сменился апельсиновой подсветкой аварийных выходов.

Самолет затрясло. Триша закрыла задвижкой иллюминатор и вжалась в кожаное сидение именуемое 15F. Девочка возможно первый, но далеко не последний раз пожалела, что оставила весточку из детства, любимую куклу Мону, дома в Сэнфорде. Ведь много шестнадцатилетних девчонок ходят с подобными фенечками: плюшевыми медвежатами, кроликами, слониками, делая из этого дань моде тинэйджеров, прикол, стильную забаву. Мона бы запросто потягалась с всякими там набитыми ватой уродцами. «Но сделанного не воротишь, – зазвучал голос отца в голове, а потом шепотом добавил: Дважды не умирают, – именно таким афоризмом любимый папочка успокаивал ее во время панической боязни перелетов». Вернее это он думал, что успокаивает, на самом деле подобная фраза добавляла пищи для размышления.

Ах, как это похоже на взрослых!

– Всего-навсего преодолеваем слой облаков, – обратился к Патриции, сидящий рядом мужчина, исходящий жирными ручьями пота, даже стекла его очков немного оросились. Дядька лет сорока с вопиющим косоглазием, протер платком (больше напоминающим тряпку) лысину и продолжил: – Ничего страшного не происходит. Небольшие перепады давления поиграют с нашим вестибулярным аппаратом, железную птицу потряхнет разок другой, – уж слишком плотные слои воздуха. А дальше, как нож сквозь сливки станем рассекать воздушные потоки и пушинкой приземлимся в аэропорту. Поверь мне девочка, я очень много летаю.

Очкарик выдал нервную улыбку и жалкое подобие ободряющего подмигивания. Он сидел, как на первых минутах запуска шатла: корпус, вдавленный в кресло, будто он предпочел в нем утонуть, глаза закрыты, руки держали подлокотники мертвой хваткой, что аж костяшки пальцев побелели. Случись резкий рывок вперед или серьезная турбулентность, поручни бы остались в руках обливающегося потом мужчины.

Кого ты пытаешься успокоить, паникер херов, сам себя? Трясешься весь, что прокаженный, словно у нас камикадзе за штурвалом самолета. Небось и

молитву про себя произносишь, стараешься совладать со своей авиа-фобией, стремишься рационально мыслить: «какова ничтожна вероятность погибнуть на самом безопасном транспорте в мире»!

– От судьбы не убежишь, – ледяным тоном выдала Триша. – Да и дважды не умирают.

Вот, вот как надо успокаивать! Учись очкастый хрен!

– Т-точно, – сорвавшись на хрип, после очередной встряски, проговорил мужчина. Он просто закаменел в своей мужественной позиции.

«Я бы тоже не отказалась закрыть глаза и расслабиться... жаль, что две эти вещи теперь для меня не совместимы», – с грустью подумала Триша, не заметив, как волнение вытеснила несметная печаль.

1

События последнего года

У Триши всегда были яркие сны, особенно после многодневного скитания лесом, когда реальность перемешивалась с плодами фантазии. Но видения, не шли ни в какое сравнение даже с самой красочной грезой, как не станешь сравнивать немое, черно-белое кино с последними творениями Спилберга или Лукаса. Видения – это была отсутствующая грань между реальностью и сном, параллельное измерение в котором незнакомая маленькая девочка молила, отчаянно взывала о помощи. Это измученное, заплаканное лицо иногда разрезало сознание болезненной вспышкой, едва не выскакивая голограммой прямо на уроках в школе, во время прогулок парком, среди толпы на ярмарке, в ночном небе, либо закусочной. Влажные, ядовито карие глаза, которые чуть заметно вращались гипнотическими узорами калейдоскопа: спиралью и многоугольной звездой, преследовали ее. Немой крик помощи, безысходное, обреченное личико маленькой девочки держали Тришу на коротком поводке ровно месяц, причем с каждым днем длина поводка становилась короче.

За последний год в жизни Патриции случилось три знатных события.

1-ое: Ее любимого брата Питера, прилежного жениха и добропорядочного гражданина, работавшего системным администратором небольшой страховой фирмы, посадили за хранение кокаина на три года с правом на досрочное освобождение. Не помогли ни слезы красавицы-жены, ни связи отца, ни клятвы, что он понятия не имеет, откуда в матрасе его кровати взялись 300 грамм белого порошка.

Понятное дело всемирный сговор, чего тут негодовать?

2-ое: Триша познала первую любовь (лишилась девственности), а спустя несколько дней и первое глобальное разочарование в людях.

Какой же он был двуликий козел! Посвящал песни, водил на романтические свидания, подаривал подарками (к слову: именно ритуальное сжигание всех подаренных мягких игрушек, помогло девочке не упасть духом), пел дифирамбы и был самым воплощением «парня-моей-мечты», а главное – молодым

спортсменом, бейсболистом на позиции финишера, подающим большие надежды в команде колледжа.

«Да он и ломаного ногтя на руке Тома Гордона не стоит», – понимала сейчас Триша. А вышло, что задурил голову – поматросил и бросил, как и предрекала лучшая подруга, вездесущая Пепси Робишо... и не только она.

Была отчасти в этом провале вина и Тома Гордона, но даже после того, как выдающийся бейсболист завязал с профессиональной карьерой, Триша корила себя за подобные несправедливые обвинения, занимаясь едва не самобичеванием.

3-ие: Учеба по обмену в далекой, «холодной и *дикой*» (да здравствуют стереотипы прошлого века) Украине, о которой она от силы за всю свою жизнь слышала несколько раз из четы бездарных голливудских фильмов. Но решение Патриции было утвердительным, как основополагающий аргумент: становление личности юной леди, когда требуется кардинальная встряска. Допустим такая, как пятилетняя учеба в Kiev University of International Affairs на факультете международной экономики девушки, которая в экономике понимает ровно столько же, сколько типичная домохозяйка, фанатка шоу Опри, смыслит в бейсболе. Да и рождение в новой отцовской семье первенца, печальной истории с братом, ее в родных краях ничего не держало, за исключением все той же Пепси. Но вот зачем Триша отправилась в авантюрное, нескрываемо экстремальное путешествие, когда безграничные просторы США предоставляют достаточно пикантных уголков для кардинальных перемен в жизни? Тем более далеких родственников, как тетушка Магда, с легкостью отыщешь едва не в каждом из 50-ти штатов.

Видно захотелось убежать, улететь от выедающих изнутри проблем в то место, где уже точно не догонят воспоминания о трагедиях прошлого, событиях вписанных черными буквами в биографию Триши. Еще один маленький нюанс: это вероятность оставить чертовы видения в пластмассовой башке Моны, покоящейся где-то в пыльном углу детской комнаты Сэндфордского домика, разгрузив свою раскалывающуюся чернявую головку.

С больной на здоровую, – «отец – словно сборник афоризмов», – иногда невольно улыбалась, осознавала она.

Да и жить с Британи, возлюбленной брата, убитой горем и ноющей от нехватки любви, совсем не хотелось. Всегда остается крайний вариант: переехать к отцу в Бостон, но у него и так хлопот вдоволь, а Патриция уже вовсе не та маленькая девочка, что внимала каждое отцовское слово и с радостью приносила заправку для его философского склада ума. Да и времена, когда папа с дочуркой понимали друг друга без слов – канули в небытие. Любовь – это стимул изменится, и позитивные изменения имели место быть. Но все свое внимание он дарит теперь маленькой, новорожденной Принцесс (даже имечко выбрали подходящее), он счастлив, а Триша уже взрослая дама, которая по-прежнему тяжело переживает расставания с мамой.

2

У трапа самолета

Киев встретил гостью из далекого штата Мэн недружелюбно. Сливочно-воздушные облака на проверку с другого ракурса оказались предгрозовыми тучами, от этого и посадка была, мягко говоря, жесткой. Бедный косоглазый мужчина, едва не потерял сознание, когда во время резкого перепада давления, самолет затрясся подобно неисправному миксеру. Тришу же настолько поглотили собственные рассуждения на тему «жизнь – херовей не придумаешь», что она непроизвольно проявила яркую отвагу, когда большинство пассажиров запаниковали. Девушка просто закрыла разум со всеми его страхами и фобиями в плотной клетке, потупивши взгляд на подсвеченной панели «ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ» и «НЕ КУРИТЬ» с тематическими иллюстрациями, она вовсе забыла, где находится, подобно той длинноногой стюардессе перенеслась в другое место: темную клетку собственных мыслей.

Сейчас же под оглушающий шум реактивных двигателей, стоя у трапа и глядя в мрачное, темно-серое небо, к Трише пришло частичное *осознание* «куда я попала, на что подписалась». Почти равносильно, как ребенку приходит понимание следствий кончины близкого человека, лишь, когда рушится какая-нибудь привычная цепочка: мама уже никогда не поцелует перед сном, отец не потащит на ненавистный американский футбол, с сестрой не поссоришься за право смотреть свою любимую программу по телевизору, бабушка не запечет на День Благодарения божественно вкусную индейку. Да какому там ребенку – это относится ко всем нам, когда впервые *осознаешь*, что смерть близкого человека неизбежно меняет нас, пускай никаких видимых признаков изменений не будет, но и как раньше уже тоже никогда не будет.

(Хорошо, что у Триши не все столь трагично)

И волна подобной горечи захлестывает внезапно, в самые неожиданные моменты. Норовит сбить с ног, когда ты наименее к этому готов, ведь накатила она не на похоронах (при прощании в аэропорту) или при рассказе «как же все произошло» («я сделала нелегкий выбор») кому-то из друзей, а на расстоянии в тысячи километров, когда от правды не скроешься, пути назад отрезаны. Отряхнись, выпрямись и несись на гребне волны.

Душу Триши сжимал фабричный пресс, чувство жалости к себе стало невыносимо откровенным, захотелось обидеться на весь мир: от Папы до *Неслышимого*, найти виноватых, ведь тогда не так сложно, если скинуть всю вину (ответственность) на чужие плечи.

В голове Триши гудело, будто бы она хорошенько поддала в самолете, шум реактивных двигателей расходился эхом, а фокус картинок постоянно менялся, будто бы она надела линзы на диоптрию другую сильнее, нежели требовалось. Девушка продолжала восхищенно следить за наслаивающимися, поглощающими друг дружку черными облаками, словно черными клубами смога от загоревшегося химзавода. Казалось, тучи переполнены могуществом и гневом, готовые с минуты

на минуту разразиться грозой, засверкать зигзагами молний, устрасить раскатами грома

...пролить горькие слезы на землю.

3

Первое видение. Стюардесса

Спустившаяся по трапу стюардесса, кучерявая брюнетка с красивой грудью и стройной фигурой, которая видно обслуживала бизнес класс, немного застенчиво окликнула девушку в черной бейсболке легонько коснувшись ее плеча.

Молодая барышня находилась в столбняке уже несколько минут, заиклившись взглядом на предгрозовом небе, словно ожидала там появления чего-то сверхъестественного. А остальные пассажиры ее рейса уже с успехом погрузились в автобусы и томились в ожидании старта.

Молодой американке явно не здоровилось: серый цвет лица, едва заметный озноб, мешки под глазами. Но четырнадцатичасовой перелет выматывает многих и бортпроводница, как никто другой, это знала, потому старалась быть, как можно вежливее и обходительнее с замечтавшейся девушкой.

– ¹*Miss, crowd from our plane already have jammed the busses and waiting till you enjoy*, – абсолютно без акцента, ласково, произнесла стюардесса, пускай это и было почти нереально, перебивая шум двигателей.

Но толи от прикосновения бортпроводницы, толи от ее сладенького голоска, девушка в бейсболке отпрянула, как от поцелуя мертвеца, заплетая ноги, едва не распластавшись на асфальте.

Ненормальная американка растеряно повернулась и, вытаращив глаза на модельную внешность стюардессы, пронзительно завизжала, выкатив глаза из орбит. Писк слился с ультразвуковым шумом турбин, миндалина во рту девицы вибрировала, словно у тенора на самой высокой ноте.

Добродушная женщина в голубой униформе «Аеро Світ» не знала, как реагировать на подобное действие, а тем более не ожидала доселе, что может вызвать такой дикий ужас. Она перепугалась не меньше завизжавшей пассажирки, но свой вопль проглотила, ведь не гоже в ее возрасте вести себя подобно шестнадцатилетней девочке.

Тем временем по трапу уже сбегал спортивного телосложения бортпроводник, словно санитар психиатрической лечебницы, вызванный по тревоге условным сигналом. Пока его коллега стояла, оторопев, и стреляла вхолостую ртом, пытаясь произнести что-то ладное, он за какие-то две-три секунды подбежал к девушке одетой во все черное, кроме разве что эмблемы Рэд Сокс на кепке. Но вместо скручивания рук, укола успокоительного и смиренной рубашки, он обнял ее, скорее приголубил, крепкими руками, прижав голову к груди, ненавязчиво держа под контролем каждое ее движение. Он поглаживал ее по спине, как отец успокаивает дочку после кошмара, и

¹ Мисс, толпа из нашего самолета уже битком набили автобусы и ожидают, пока вы присоединитесь (англ.)

взглядом показал кучерявой стюардессе на кабину самолета, чтобы та принесла воды. Женщина максимально собралась и постаралась хладнокровно подняться по лестнице, хотя было заметно, как она на самом деле нервничает.

Пассажиры из автобусов стоящие у стекол палили взглядами разыгравшуюся несуразную драму, причем зрителей становилось все больше, шел обмен информацией «кто что видел?».

Триша

Триша почувствовала слабость и, как колени от усталости начинают подгибаться. Ее словно загипнотизировала непревзойденная красота стихии, не хотелось ни шевелиться, ни дышать, а просто смотреть в бесконечную черноту. Теперь уже казалось живую, и, если подлететь поближе, увидишь вовсе не снежную гладь, а полотно из миллиарда копошащихся муравьев.

Эмоции колебались маятником от разметок: «жизнь – дерьмо, хочу заплакать» до «как же все вокруг прекрасно, хочется петь». Сейчас как раз было вознесение, воздух перестал веять ароматами спаленного горючего и пламенным дыханием двигателей – теперь цвел аромат клубничной жвачки, такой блаженный аромат. Триша больше прочего хотела раскинуть руки, словно крылья и побежать, весело, звонко смеясь

(как же глупо это будет выглядеть!)

а потом повалиться на землю и зреть в небо, дожидаясь пока первая капля разобьется об ее белокурой носик, а дальше ливень окатит бодрящей прохладой. И тогда, несомненно, придет экстаз, коего тщетно ожидала от ночи с Джейком.

Триша расслабилась и всего на секунду закрыла глаза, чувствуя, как телом проходят зябкие полосы возбуждения, разум мутнеет в ярком белом свете, одурманенный сладким запахом клубничной жвачки. Лилейное свечение окутывает заботой и теплом, помещая в невидимый защитный скафандр от всех гадостей внешнего мира.

Мыслями Триша очутилась в целостно-белой комнате, где отсутствуют грани, а царило монолитное белое свечение, словно в трехмерной пустышке, из которой программисты только собираются лепить частичку игровой вселенной.

На белом различалось всего одно нескладное пятно. Грациозно, но не совсем естественно, порхала вдали крохотная, темно-рыжая бабочка, описывая в пространстве овалы. Забавное насекомое приближалось, интенсивно взмахивая своими крылышками, и чем короче становилась разделяющая дистанция, тем отчетливее вырисовывались невообразимо чудесные крылышки, словно у феи из какой-нибудь сказки. Они переливались бриллиантовой крошкой, от коричневого до ядовито-карего, а бордовые линии, что несколько раз обводят их контур, вращались.

Чудо-бабочка подлетела еще ближе и исполнила великолепное боковое сальто, одним рывком, словно дрессированная цирковая собачка. Потом еще один кувырок, еще один, еще раз, но тут уже остановилась на половине трюка и застыла черным тельцем параллельно лицу (взгляду) Триши. Затем развернулась,

будто бы помог леской залихватский шарлатан, и начала хлопать карими крылышками, как ресницами, наращивая скорость с каждым новым движением.

Чудо-бабочка словно расслоилась, и рядом предстало еще одно прелестное создание, точная копия, порхавшая с той же пленяющей грацией ровно на том же уровне от абстрактного светового пола.

Воздушность и уют для Триши растворялись прекрасным миражом, и возвращалось едкое горе, даже белоснежное свечение и то, казалось, помутнело.

Описав полный круг, каждая точка колеса возвращается на исходное место.

Хрупкие, притрушенные пылью крылышки с неповторимыми узорами (живым, талантливым орнаментом), моргали еще быстрее, пока не перевоплотились в веки, тех самых, молящих о спасении, глаз из видений. Плавно подвернувшиеся крылья теперь парили глазами мартовского кота в цельно-белой комнате, переполненные немой болью и страданиями.

Стены начали обретать различные грани, и сверху вниз потекла вязкая жидкость, похожая на кислотно-красную краску гуашь, растекающуюся густыми соплями. У Триши перехватило дыхание, маленькие глазки призрачной девочки беспомощно металась в закрытой коробке, медленно заливающейся неестественной кровью. Далее Триша услышала приглушенный голос, доносящийся где-то с того конца вселенной, и ощутила нечто слизкое, хлюпнувшее на плечо и забрызгавшее лицо красным клейстером.

Белая комната исчезла, словно замененный слайд и Триша снова очутилась в пасмурном мраке у трапа Боинга 737, прохладный ветер тормозил ее черный хвостик, в воздухе пахло дождем.

Патриция развернулась на попытку бережно окликнуть ее и то, что открылось при этом взгляду, повергло в панический ужас. ДИКИЙ ВОПЛЬ, чуждый Трише, но в то же время донесшийся из ее уст, раздирал горло, словно приступ рвоты, который невозможно контролировать.

Стюардесса, которую увидела Триша, явно находилась не в лучших кондициях. С униформой, синим пиджаком, короткой деловой юбкой, белоснежной блузкой и красным платком на шее было все в порядке, но вот внешность обладательницы вышеперечисленного обмундирования выбила Тришу из психического равновесия.

Бортпроводница походила на мумию. Ее лицо обуглилось и высохло, проступали контуры черепа, нос превратился в запеченный хрящ, на месте глаз зияла пустота, скулы, лоб, подбородок покрылись черной коркой. Прическа, которую Триша завидно оценила, выходя из самолета, на твердую пятерку, сейчас заменилась «стрижкой-вспышкой»: редкие осмоленные клочки волос. Шею покрывали розовые волдыри, некоторые из которых сочились прозрачной жидкостью. Руки заканчивались культяпками на локтях, где закоптились ошметки кожи и мяса, гладкие, стройные ножки были красного цвета, словно слишком долго без защитного крема находились под палящими лучами солнца.

Стюардесса (то, что от нее осталось) дружелюбно улыбалась разрезом на обугленном лице и что-то говорила, но Трише (да и любому нормальному человеку, увидь он сродное) от подобной улыбки хотелось зарыться в асфальт и не вылизать, хотя и взгляд отвести – не представлялось возможным.

Триша потеряла отсчет времени, разве что голосовые связки, которые потихоньку выпускали одиночные хрипы, не давали окончательно дезориентироваться. Вскоре ей на встречу мчался мужчина, к счастью нормальный, живой парень и даже более: привлекательный, статный, мужественный, в довольно хорошей физической форме, но очень встревоженный.

Следующее мгновение: красавец обнял ее и прочно прижал к груди. Триша зарыдала и уткнулась в нагрудный карман его рубашки. Девушка знала, что ей привиделось, и скорей всего вместо ужасного зомби стюардесса вновь приняла человеческий вид, но легче не становилось.

Бравый парень шептал ей на ухо успокоительные слова, а запыхавшаяся бортпроводница, *здоровой* рукой протянула одноразовый стакан с водой, поднося его прямо к губам Триши. Девушка сделала пару глотков, оторвавшись от теплого защитного очага. Ее взор остановился на месте на асфальте, где лежала любимая кепка Рэд Сокс, она и не заметила, как головной убор слетел и теперь козырьком, словно подсвеченным дорожным знаком, четко указывает в сторону дальнего терминала аэропорта.

Триша медленно подняла взгляд и внутри оборвалась невидимая нить, что не давала все это время потерять сознание, а сейчас отключила резервное питание и позволила обмякнуть в крепких мужских руках.

В сотне метров от нее стоял Том Гордон, в домашней, ослепительно белой, форме Рэд Сокс, в которой чаще всего появлялся в лесах новой Англии семь лет назад, но теперь он не был один. За правую руку бейсболиста-ветерана, а точнее за два пальца: указательный и средний, держалась маленькая, замурзанная девочка, одновременно так похожа на Тришу и ее тотальная противоположность. Она небрежно утирала крохотной рукой тоненькие ручейки слез, которые назойливо зудели в сочетании с грязью; огненно-карие глаза с надеждой смотрели на Патрицию.

4

Второе видение

Тетя Магда оказалась очень привлекательной, деловой женщиной среднего возраста, вовсе не такой, как успела нафантазировать Триша: пузатая тетушка с косынкой на голове и пирожками в духовке.

К кратковременному помешательству племянницы Магдалина Макфарленд отнеслась с пониманием и философским подходом. Она тонко обминала запретное табу, в которое ее по телефону просветил двоюродный брат: «Ни слова о Куилле, моя девочка еще не смогла смириться с *уходом* матери, потому не давай ей лишнего повода раздирать старые раны. Я с самого начала относился к твоей

идеи с огромной долей скептицизма и потому с радостью, по первой же жалобе, заберу Тришу к себе в Бостон».

Но он то прекрасно понимал и был чертовски уверен (когда не обманывал сам себя), что даже если Патрицию поселят в картонную коробку у общественного туалета и заставят вручную начищать до блеска писюары, – девочка последним делом пожалуется ему. А Магду पुще прочего задевали слова «заберу ее к себе», ведь она нытьем и катаньем уговаривала брата, что лучше места для реабилитации его дочери, чем столица Украины быть не может. Распиналась и упоительно описывала все существующие и планирующиеся лишь в далеком будущем блага, обожествляла людей, проводила профессиональную операцию туристического агента заманивающего на дорогостоящий курорт. Хорошо хоть, что многое из сказанного было в действительности правдой.

Триша сидела в кожаном кресле желтого «Passat'a» и следила за движениями дворников, разбивающих водяную стену на стекле, откидывающих ее вбок.

– Не переживай насчет инцидента у трапа. Это все от смены часового пояса, климата и не безграничных возможностей человеческого организма. Ты ведь вовсе не спала в самолете, я вижу это по твоему измученному лицу, словно несколько ночей подряд к экзаменам готовилась. – Магда выдала смешок и, щелкнув рычажком у руля, включила левый поворотник, а далее вписалась и в сам в поворот выезда из стоянки аэропорта. Смешной брелок-медвежонок с раскосыми глазами покачнулся на зеркале заднего вида.

– Да возможно, я сейчас плохо соображаю, – устало и смущенно произнесла Триша.

– Тут нет ничего сверхъестественного моя дорогая, после такого... – Магда замялась, обрезавшись на полуслове, словно соскочила игла на пластинке и тут же перевела тему: – Допустим меня, после первого трансатлантического перелета, собирали мозаикой по всему самолету, к тому же я хорошо залила баки алкоголем, вела себя, как не подобает вести настоящей леди. – Магда лукаво улыбнулась. – А что самое постыдное, никогда не узнаю, что ж там было на самом деле, ведь чудесным образом телепортировалась сразу на кровать в номер отеля. Видок у меня был, чуть сердечный приступ у зеркала не получила: будто в багажном отделении путешествовала в одном из чемоданов, а потом еще в вентиляционную шахту засосало. И все бы ничего, а завтра собеседование с посольскими шишками, а у меня вид не просыхающей, распутной девки из коллед...

Машина резко затормозила, и тело Триши по инерции дернулось вперед, только ремень предотвратил столкновение головы и торпеды: появление первой памятной шишки на украинской земле.

Промокшая старушку в платье, одолженном где-то из тexasского ранчо, орала наборы звуков, подобие мягкого, членораздельного арабского, став посредине пешеходного перехода с двумя, минимум стокилограммовыми,

кошелками в руках. Хотя Триша и не понимала русский, но выражение лица бабушки и жесты служили универсальным языком.

– Черт возьми, я видно немного заговорила, – досадно произнесла Магда, а потом извинилась перед рассвирепевшей бабушкой и развела руками. – Очень темпераментный народ, но это скорее плюс, нежели мин...

– А нам еще долго ехать?

– Ну приблизительно минут двадцать пять. Но надо будет еще заглянуть в магазинчик у заправки – я куплю свежее испеченный хлеб и фантастический бекон, отведаешь непревзойденную украинскую еду, главное вместе с пальцами не съесть.

Триша начинала привыкать к ненавязчивым попыткам Магды казаться смешной, не еще не разу девушка не улыбнулась искренне.

В боковой дверце Триша заметила, среди салфеток и тряпок, какой-то дешевый журнал, свернутый в трубочку. Она вынула и развернула его исключительно из-за любопытства, ведь читать в таком полусонном состоянии даже на родном языке,

(ах, ностальгия!)

как расшифровывать древнеегипетские письмена.

На глянцевой обложке сверху было написано название «What's on», а под ним растянулась по всей оставшейся площади паспортное фото маленькой, кареглазой девочки с забавной, беззубой улыбкой.

«Внимание! Помогите отыскать девятилетнюю Марию Андрющенко», – гласил заголовок номера.

Неужели бывают такие совпадения?!

– О, это старый журнал, – невзначай отметила Магда, бросив быстрый взгляд на Тришу. – Девочка пропала еще в конце апреля, и отчаявшиеся родители не теряют мнимой надежды ее отыскать. Каждый столб обвешен ее фотографиями, вроде даже вознаграждение есть за любую информацию, которая может помочь в поисках. Вся страна ищет Машу, наверное, не осталось безразличных людей... да и деньги тут ни при чем, стоило только увидеть хотя бы одно из обращений несчастной матери. Жаль, что на Украине отсутствует практика печатания на спичечных коробках и упаковках молока портретов пропавших детей, я уже давно хочу запатентовать эту идею.

Через пятнадцать минут желтый «Passat» остановился у заправки «УКР ТАТ НАФТА», колесами выходя за линию парковочной разметки. Магда, пообещав вернуться через мгновение, бодренькой трусцой побежала в супермаркет, а Триша осталась в машине, наблюдая за милейшим щенком, который все никак не мог найти себе места, чтобы спрятаться от немного притихшего дождя.

Милашка-песик, полностью серенький и только кончик хвоста, словно окунули в белую краску, отряхнул мокрую шерстку и, сморщив мордочку, нюхал огромную лужу.

Триша невольно улыбнулась и едва сдерживалась, чтобы не забрать собачку в машину, особенно, когда дождь предельно размыл и без того мутное изображение через лобовое стекло.

Хорошо Магда оставила ключи в машине, и Патриция почти сразу догадалась расчистить дворниками вид на милашку-песика, который теперь, виляя хвостиком с белым пятном на конце, шел в сторону синего, громоздкого микроавтобуса, припаркованного параллельно бордюру, несмотря на специальную разметку «для ослов». Боковая дверь машины была сдвинута в сторону, но внутрь Триша физически заглянуть не могла, хотя живо представила, что там сидит какой-нибудь ребенок и подзывает к себе щенка, чтобы погладить, либо подкормить.

Милашка-песик несмело шагал вперед, энергично извивая хвостом, через каждые несколько шажков немного подаваясь назад, словно от испуга. Наконец он подошел к металлической подножке микроавтобуса и две утонченные, женские руки, с ярко-красным лаком на ногтях, подхватили собачку под передние лапки и переместили в салон.

Дождь снова размазал изображение водяными узорами, и когда Триша уже потянулась к рычажку дворников, водительская дверь отворилась. Патриции от неожиданности взвизгнула, словно ее – малоопытного вора, поймали на горячем.

Магда, держа в руках бумажный пакет с изображением курасанов и плетенок, добродушно улыбнулась.

– Что захотела машину угнать?

– Да нет... э... просто хотела включить дворники.

– Да я шучу, – залезая в салон, сказала Магда. Она продолжала морщить уголки рта, погладила пепельно-желтые волосы, будто бы убирала с них влагу, а дальше провернула ключ зажигания. – Ты там что-то интересное наблюдала, понравился мускулистый механик, измазанный машинным маслом?

Триша немного замаялась, моментально вспомнив высокорослого, красавца-стюарда, что успокаивал ее у трапа самолета, а потом быстро проговорила: – Да нет, я просто наблюдала за щенком, я такого славного еще не видела.

В салоне разлился душистый аромат свежее испеченного хлеба, от которого у Триши заурчало в животе.

– У меня, спешу обрадовать, тоже собака есть, приедем, я вас обязательно познакомлю.

Магда ловкими движениями включила дворники и фары, перевела рычаг автоматической коробки передач на «реверс» и плавно надавила на педаль газа. «Passat» вырвался из парковочного места и подготовился к выезду на трассу, по которой, как пуля, просвистел спортивный автомобиль Субару, оставив шлейф водяной дымки.

Синий микроавтобус все еще стоял параллельно кромке тротуара, но, судя по мелькнувшим красным габаритным огням, собирался покинуть здешние края. Фургончик в грозных сумерках смотрелась зловеще, особенно, когда

сверкнувшая молния совпала с громогласно хлопнувшей дверью стороны автомобиля, что смотрела на неоновую витрину супермаркета.

– Пропущу я лучше этот катафалк, мы ведь никуда не торопимся, – проговорила Магда и начала нервно барабанить пальцами по ободу руля.

Триша устроила форсированный поиск так понравившегося милашки-песика, но его нигде подле не обнаружила.

«Неуч-то его забрала к себе, загадочная дама с красными ногтями?».

Из выхлопной трубы микроавтобуса повалили струйки черного дыма, двигатель грозно заурчал, но машина с несуразной элегантностью двинулась по дуге к выезду у огромного, оранжевого щитка «УКР ТАТ НАФТА». «Катафалк» уходил, словно ширма, обнажая взгляду Триши сцену, где она ожидала увидеть щенка. Но когда синий автомобиль удалился, девушка опешила.

У бордюра на боку лежал милашка-песик, в полном расслаблении, а его голова непонятным образом смотрела на собственный хвост,

(что значит непонятным, ЕМУ ШЕЮ СЛОМАЛИ, ИДИОТКА!)

розовенький язык вывалился из пасти в полную длину, мордочка застыла в вечном покаянии.

Мерзостный ужас вновь насильно окунал в себя Тришу, не давая шанса сделать глоток воздуха. Он ползал сороконожками по спине, и липкими слизняками вверх по горлу, но Триша сдержалась, стала блее труп, но виду не подала, зная, что в двери вновь стучится сумасшествие, и если первый раз она едва ему не открыла, то сейчас постаралась быть хладнокровий.

Триша закрыла глаза, просто вновь не могла отвести взгляд от гипнотической картины, смотреть на которую – пытка. Сознание разрезали, как ультра частотный звук разрезает тишину, огненные глаза маленькой девочки.

К счастью все внимание Магды было поглощено сверх кропотливой работой: выездом на оживленную трассу и она впервые на немного вовсе позабыла о племяннице.

Сзади доносилось, приглушенное дождем и двигателем, щенячье тьяканье, на которое Триша моментально обернулась.

За машиной бежал милашка-песик, провожая их своим лаем, а на заднем фоне притаилась маленькая девочка, иррационально сухая в своем пестром летнем платье. Она прижимала к груди правой рукой фотокарточку, а в левой руке держала измятую листовку: приглашение на какое-то крутое торжество. Она что-то шептала и этот хриплый шепот, словно тоненькая струйка дыма вылетал из ее уст и несся приведением в машину.

«У меня сегодня свидание с Джейком», – делился хриплый, детский голос

5

Последнее видение

Оперный вокал ангела под минорное пианино пел в наушниках, затрагивая даже самую черствую душу:

Playground school bell rings, again

Rain clouds come to play, again

Has no one told you she's not breathing?

Hello, I'm your mind, giving you someone to talk to...Hello...

If I smile and don't believe

Soon I know I'll wake from this dream

Don't try to fix me

I'm not broken

Hello, I'm the lie living for you so you can hide...

-Don't cry...-

Suddenly I know I'm not sleeping

Hello, I'm still here, all that's left

**Of yesterday...*

Триша всегда была без ума от этой песни. Она всегда ставила именно эту композицию, когда на душу насрали кошки – и становилось легче, а порой наоборот: находясь в хороших кондициях, она неожиданно впадала в глубокие раздумья, грусть.

Сейчас она была измотана двумя днями без сна, истощена перелетом, вопиюще нуждалась в отдыхе. Бессонница порой действует, как алкогольное опьянение, ты перестаешь четко контролировать свои действия, сознание затевает разные коварные игры. На это Триша и сослалась, вспоминая обожженную стюардессу и мертвого щенка – подсознание выдавало самые изощрено-ужасные фантазии, воплощало их в мнимую реальность, как иногда во сне способно прогнозировать развитие некоторых событий (предвещать будущее).

*

Льется звонок по всему школьному двору... вновь
Дождевые облака нагрянули затеять игру... вновь.

Неужели никто не сказал тебе, что она не дышит?
Ау, я твой разум, дарю тебе хоть кого-то, чтоб слышал... привет

Если я не поверю и улыбнусь,
Знаю, от грезы тогда я очнусь.

Не пытайся меня исправить
Я не сломана.
Ау, я та ложь, что живет для тебя, чтобы ты мог спрятаться...
не плачь...

Внезапно я осознаю, что вовсе не сплю
Привет, я все еще здесь, все что осталось
От вчерашнего дня...

Триша смотрела на потолок, плеер проиграл последнюю песню и сейчас молчал, только одинокие капли, десантируя на карниз и шум работающего кондиционера, нарушали тишину.

Зеленый циферблат будильника на тумбочке показывал половину второго ночи. Уютная комната для гостей долго и трепетно подготавливалась к появлению постояльца, была чистой и ухоженной, оборудована компьютером и плазменным телевизором Philips. На письменном столе находились несколько забавных фигурок симпсонов, на одной из которых Гомер нагибается, чтобы взять лакомый кусок сливочного торта, а Барт в это время тащит его кошелек из заднего кармана. Аккурат над столом висело перекрестье из американского флага и украинского голубо-желтого знамени. У кровати реял календарь со звездами Бостон Ред Сокс, а рядом глиняная тарелка с какой-то киевской достопримечательностью.

Патриция позвонила отцу и сообщила, что у нее все в порядке сразу, как переступила порог четырехкомнатной квартиры элитной многоэтажки.

У него в голосе чувствовалось недоверие к каждому слову и незримое обвинение: «ну зачем, зачем ты согласилась на предложенную мной авантюру?». Пожелав дочурке «спокойно ночи» и сказав, что будет ждать ее на осенние каникулы в Бостоне, папа положил трубку.

Магда быстро показала свою квартиру, где она жила одна, с мужем разошлись пять лет назад, как Трише удалось один раз подслушать из разговора Отца со своей молодой возлюбленной: «Он не хотел заводить лишний рот в семье, а она просто одержима детьми, но бесплодна».

Потом накормила легким ужином: мягким и ароматным хлебом с ветчиной и сыром с недавно сваренным компотом и отправила гостью отдыхать. Около десяти часов вечера Триша, разобрав чемодан и разложив вещи по отделам шкафа, улеглась в бархатную постель. На дне чемодана остался всего один предмет, перевернутая на лицевую часть рамка.

Патриции прогнала все 512 мегабайт памяти своего mp3 плеера, а сна не было. И причину не приходилось высасывать из пальца, просто девушка не закрывала надолго глаза, так как яркие огненные вспышки калейдоскопа мигом ее пробуждали.

Еще одна схожесть с алкогольным опьянением, только тогда у нее перед глазами летали вертолеты.

Триша вновь была поглощена размышлениями, многоголосое подсознание не могло прийти к консенсусу, потому внутренние голоса беспардонно спорили, перебивая друг друга. Патриция подошла вплотную к разгадке головолмки с таким паронормальным атрибутом всяких хоррор книг, как мистические видения, которые оказались вполне будничным и ничуть не фантастичным явлением. Собирались в беспорядочную кучу факты,

(обгоревшая стюардесса, Том, держащий за руку маленькую, заплаканную девочку, микроавтобус, убивающий то, что так мило, фото и пригласительное, изведенные глаза с огоньками несметной печали, преследующие повсюду)

которые осталось выстроить логической цепочкой и прочитать. Тем более ответ то уже известен, Триша это чувствовала, остался всего на всего последний толчок, крохотный знак, который даст искру для пламени.

Триша села на край кровати, потирая налившиеся свинцом глаза. Девушка, покачнувшись, поднялась на ноги и шаткой походкой направилась на кухню за стаканом кипяченой воды, уж больно сушило горло.

Патриция ничего не видела в кромешной тьме и тут же зацепилась за пуфик, каким-то чудом удержав равновесие, но больно ударив коленку.

Дальше было легче, ведь дверь кухни – следующая от ее комнаты и девушка, без труда добравшись туда, зажгла свет. У входной двери елозил Эдди, десяти годовалая овчарка Магды. Скорее всего, чуткий охранник во сне расправлялся с нещадными врагами.

Дойдя до вожделенного графина с водой, стоявшего на кухонном столе рядом с чайником, Триша столкнулась с трудностью: отыскать стакан. Тихонько перерыв все отделы пенала Патриции начала злиться, – нашла все, кроме того, что нужно.

Но прозрение пришло почти тут же: все стаканы мирно покоились на полке прямо над вытяжкой.

Проделав незамысловатую процедуру, как заправской бармен с паркинсоном, Триша сложила руки на подоконник кухонного окна, закрывшись шторой. Она медленно глотала немного горьковатую воду и смотрела на красный, спортивный автомобиль, тюнингованный в лучших традициях Форсажа, Мерседес вроде или БМВ. Двухместный, обтекаемый кабриолет блестел у обочины даже в тусклом, оранжевом свечении уличных фонарей. Внутри него мелькала иллюминация бортового фарша, значит хозяин – богатый счастливчик – находился в салоне автомобиля. Наверное, и ночью не желал расставаться со своей красавицей.

Где-то вдалеке заревел гул бешено несущегося автомобиля, а вскоре из-за спуска показались огни фар.

Триша поперхнулась и несколько раз кашлянула, прикрывая кулаком рот. Першило, вода попала «не в то горло».

Из-под кремня вырвалась искра и угодила на сухой хворост, занялось пламя.
«Все-таки в жизни бывают самые невозможные совпадения!».

Патриции потеряла интерес к красному кабриолету с закрытым верхом, как к очень интересному фильму, концовку, которого какая-то сволочь заранее рассказала.

«Сейчас синий микроавтобус будет мчаться на максимальной своей скорости. За рулем в нем будет сидеть обкуренный наркоман, спешащий совершить курьерскую доставку товара. Он даже не заметит БМВ, от чего тормозной путь будет вовсе отсутствовать и произойдет лобовое столкновение. Передок кабриолета вомнется, как раздавленная ногой консервная банка, и двигатель машины воспламенится. Владелица БМВ будет заточена в огненной

ловушке и медленно закоптится заживо, распинаясь в отчаянных криках помощи».

Раздался взрыв. Триша допила остатки воды и продолжала смотреть в окно, на ее лице плясал отсвет пламени, гигантского скаутского костра.

– Ты вновь заблудилась Триша, – прозвучал за спиной голос, который бы она узнала из тысячи, только не было ясно: прозвучало это, как вопрос или констатация фактов. – И в этот раз дела обстоят даже хуже, чем семь лет назад, смерть подкралась еще ближе.

Патриция обернулась и ни чуть не удивилась, увидев Тома Гордона, который, сложив руки, опирался задом на кухонный стол. На нем вместо привычной формы Рэд Сокс, был деловой черный костюм-тройка с нагрудной эмблемой команды. Вокруг бейсболиста была оболочка светлой ауры.

– Я не понимаю тебя Том, – раздраженно проговорила Триша.

– Не хочешь понять, в этом то и вся проблема. Если *тогда* смерть облетела тебя стороной, едва задев краем, то *сейчас* она внутри тебя. Ты бесстрашно победила самого дьявола, когда любой другой безысходно отдал бы жизнь, не дрогнула и не струсила. Но ты не готова смириться с тем, что не всегда побеждает любимая команда, ты понимаешь это, но не хочешь верить. Даже у меня бывали промахи, – не существует идеалов.

На глаза Триши навернулись слезы, ее губы едва заметно дрожали.

– Я не понимаю тебя Том, зачем ты мне это рассказываешь?

– Порой мы должны принять горькую правду и идти дальше, – других выходов просто не существует. Всегда можно забыть или заикнуться, выдумать оправдание или легенду, но тогда мы предадим болельщиков, которые в нас верят.

По щекам Триши покатались две слезы, как расставившие снежинки по стеклу.

– Все давно закончилось, я вернулась домой, я победила.

– Ты заблудилась Триша. Маленькая девочка, в чьих глазах отсвечивается жуткий, безжалостный огонь, заблудилась в себе и взывает к помощи. И тут уже никто не поможет, самый лучший егеря на всем белом свете не выведет из дебрей собственного сознания. Смерть забрала у тебя самое ценное, надеясь таким образом отомстить за унижительный проигрыш.

Триша медленно сползла на корточки и обхватила колени руками. Слезы бежали по щекам двумя стремительными потоками.

– Она... я должна была ехать с ней. Мы никогда не ссорились, но Джейк пригласил меня на свидание в родительский дом... он так долго готовился, я не... не могла отказать.

– Все в порядке Триша, это просто *Ка*, и не нам под силу его контролировать. – Том приблизился к девушке и, присев рядом, принялся поглаживать ее по плечу.

– Если б я знала, что он спланировал все, чтобы перепихнуться... если бы согласилась с мамой и мы сразу поехали на ту глупую выставку задолго до

полудня... никакой аварии не могло бы произойти, автобус нашел бы другой тормозной объект... мамик даже не попрощалась, а сказала, что вернется, у нас будет серьезный разговор. Она сказала, что вернется, и ушла... а я была слишком эгоистична и безголова, не могла...

Триша зарыдала и начала неразборчиво мямлить; дальнейшие слова утонули в слезах. Девочка впала в дикую истерику, которая разрывала ее изнутри, вырывалась наружу, словно замкнутый в неволе зверь, слишком долго пробивший взаперти, а скорее, как бурный поток из прорвавшейся плотины, которая последний год изрядно деформировалась после наводнения, и не в состоянии сдерживать тонны воды, взорвалась.

В коридоре загорелся свет. На звук горького рыдания прибежала заспанная, встревоженная Магда. Она, упав рядом на колени, заключила Тришу в крепкие объятия и попыталась сыграть роль спокойного, взрослого человека, который умеет себя сдерживать в подобных ситуациях. Но закалки хватило на несколько секунд, сердце настолько щемило, а нос резало, что слезы стали неизбежными.

Она осыпала голову Триши поцелуями, сама при этом беззвучно плача.

В дверях кухни, оскалив зубы, замер Эдди, его седая шерстка вздыбилась, а уши наострились. Пес не смотрел ни на хозяйку, ни на ее гостью. Он сосредоточился на пустом месте рядом с ними, не отваживаясь переступить порог.

Эпилог

Рамка на дне раскрытого чемодана, лежащего в углу комнаты, вздрогнула. Потом еще несколько раз дернулась, словно по крышке чемодана шла прерывистая вибрация, а далее подпрыгнула и, перекутившись в воздухе, тыльной стороной упала на тканевую обшивку.

На фотографии счастливая Триша сидела на больничной койке в пижаме и любимой кепке, улыбалась во все тридцать два зуба и заключала в объятия сияющую, но немного смутившуюся, мамика, присевшую рядом. С боку на кровати примостился Пит и корчил глупую рожу, обвив одной рукой шею мамы, а второй натягивая Трише на нос козырек кепки.

4-ое октября 2005 год